

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ П. СОРОКИНА И ДЖ. УРРИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 316.44

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-32-38>

К. Б. Калмыков

Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация
e-mail: kirill.kalmykov.94@mail.ru

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ традиционной теории социальной мобильности П. Сорокина и относительно новой парадигмы мобильностей Дж. Урри. Проводится попытка поиска точек соприкосновения и интеграции двух концепций в единое целое. Опираясь на работы знаменитых философов и социологов, автор также анализирует изменения в обществе со времен П. Сорокина до наших дней. Отмечается возрастающая сложность, появление новых форм взаимодействия внутри социального пространства, в том числе новой формы социальной мобильности, названной автором фрагментарной или псевдомобильностью. В конце работы автор подчеркивает важность и перспективность изучения современных механизмов социальной мобильности для лучшего понимания многих социально-философских категорий, например, таких как «справедливость», «честность», «равенство» и т.д., а также – для решения многих острых социальных проблем, связанных с ними.

Ключевые слова: социальное пространство, социальная мобильность, социальная стратификация, неравенство, псевдомобильность, мобильный поворот, сетевой капитал, концепция доступа.

Для цитирования: Калмыков К.Б. Концепции социальной мобильности П. Сорокина и Дж. Урри: социально-философский анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №3 (113). С. 32-38. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-32-38>

THE CONCEPTS OF SOCIAL MOBILITY P. SOROKINA AND J. URRI: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Kirill B. Kalmykov

Ivanovo branch of Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation
e-mail: kirill.kalmykov.94@mail.ru

КАЛМЫКОВ КИРИЛЛ БОРИСОВИЧ – Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, старший преподаватель, кафедра менеджмента, технологии бизнеса и гуманитарных дисциплин

KALMYKOV KIRILL BORISOVICH – Ivanovo branch of Plekhanov Russian University of Economics, Senior Lecturer at the Department of Management, Business Technology and Humanities

© Калмыков К.Б., 2023

Abstract: The article provides a comparative analysis of the traditional theory of social mobility by P. Sorokin and the relatively new paradigm of mobility by J. Urry. An attempt is made to find common ground and integrate the two concepts into a single whole. Based on the works of famous philosophers and sociologists, the author also analyzes the changes in society from the time of P. Sorokin to the present day. There is an increasing complexity, the emergence of new forms of interaction within the social space, incl. a new form of social mobility, called fragmentary or pseudo-mobility by the author. At the end of the work, the author emphasizes the importance and prospects of studying modern mechanisms of social mobility for a better understanding of many socio-philosophical categories, for example, «justice», «honesty», «equality», etc., as well as solutions to many acute social problems associated with them.

Keywords: social space, social mobility, social stratification, inequality, pseudo-mobility, mobile turn, network capital, access concept.

For citation: Kalmykov K.B. The concepts of social mobility P. Sorokina and J. Urri: socio-philosophical analysis. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 3 (113), pp. 32-38. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-32-38>

Согласно философскому концепту «все живет, все меняется» не стоит на месте и понимание социальной мобильности. «Классическая» теория П. Сорокина, безусловно, не потеряла актуальности, однако усложнение структуры общества и происходящих в нем процессов привело к возникновению новой парадигмы мобильностей Дж. Урри. Данная статья посвящена анализу двух этих концепций.

Понятие социальной мобильности было введено в научный оборот одновременно с понятием социальной стратификации в первой половине XX века П. Сорокиным. Он определяет социальную мобильность как перемещения индивидов внутри социального пространства [7, с. 1].

Говоря о социальном пространстве, автор определяет его как «некую вселенную, состоящую из людей, живущих на Земле». Там, где нет людей или же есть только один человек, социального пространства не существует [7, с. 3]. Таким образом, социальное пространство созвучно с понятием «общество». В современной социологии обоснованность использования термина «общество» ставится под сомнение, так как он был создан в эпоху модерна и в традиционной трактовке не может быть использован в постмодернистской парадигме. А. Турен выдвигает идею о «социологии без общества». Поскольку ус-

ловий, породивших идею общества, больше нет, должен перестать существовать и сам термин, а, следовательно, и сама социология должна искать новый предмет и объект. Сам автор видит объект в изучении ситуаций, в которых институционализированные формы обращения к субъекту и уважение его/ее потребностей успешно позволяют создать зону мира и творчества в среде агрессивных форм групповых интересов и такой рыночной экономики, которая разрушает все формы социальной, политической, культурной и автономной жизни [8]. Менее радикально настроенные ученые переходят к «пространственной» трактовке термина «общество». Трактовка общества как пространства сетей встречается, например, в работах М. Кастельса. Он отмечает, что важнейшие процессы, происходящие в обществе, все больше оказываются организованными по принципу сетей. Огромную роль в этом играет пространство интернета [4, с. 494–505]. Таким образом, подход к определению мобильности через пространство, а не общество видится автору данной работы удачной идеей.

Социальное пространство неоднородно. Все его элементы распределены относительно друг друга. Таким образом, часть из них находится примерно на одном уровне, в то время как другая выше или ниже. Процесс дифференциации некой совокупно-

сти людей на иерархически соподчиненные классы. П. Сорокин называет социальной стратификацией и доказывает, что любая группа в той или иной степени стратифицирована. Признавая многочисленность форм социальной стратификации, Сорокин, тем не менее, сводит ее к трем основным: экономической, политической и профессиональной, аргументируя это тем, что большинство других форм социального расслоения могут быть, в конечном счете, включены в одну из них [7, с. 9–10]. Подобная редукция едва ли применима к современному социуму. Сложность и динамичность общества постмодерна рождает множественные основания для стратификации, которые уже не могут определяться как одна из трех вышеуказанных. Современный взгляд на стратификацию общества изложен, в частности, в работах П. Бурдьё. В них социальное пространство понимается как комплекс отношений, объединяющих и разделяющих людей символически и физически. Символическое разделение приводит к разделению физическому, когда жизнь представителей различных общностей (этнических, религиозных, профессиональных и т. д.) концентрируется в разных регионах, районах, кварталах, зданиях и т. п. Благодаря этому внутри социального пространства формируются особые сферы практик – поля [3, с. 73–75]. Таким образом, то, что Сорокин называет типами стратификации, П. Бурдьё называет полями. Внутри каждого поля идет борьба за достижение более высоких позиций, и в итоге победителем оказывается тот, кто обладает большим количеством капитала. Помимо материальных ресурсов (экономического капитала) для достижения успеха также необходим культурный капитал (в первую очередь, образование), а также – социальный капитал (в первую очередь, связи). Наиболее «весомым» в современном обществе П. Бурдьё считает экономический капитал [3, с. 73–75]. Британский социолог Дж. Урри в своих работах подчеркивает важность социального капитала, а также вводит

еще один вид капитала – сетевой. Ученый определяет его как способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, но получающими от этих отношений выгоду. Индивиды и социальные группы, обладающие большим сетевым капиталом, имеют существенные преимущества в процессе структурирования социальных связей и получения от них различных выгод. Таким образом, наличие или отсутствие данной формы капитала рождает новую систему неравенства [9, с. 360–362].

Социальная стратификация неизбежна. Опыт СССР показал, что идеи бесклассового общества могут существовать только на бумаге. Попытки реализовать их на практике обречены на провал. Однако в этом вопросе также есть нюансы, а именно – разница между объективным положением человека в обществе и его личным восприятием своего положения. Так, например, сильная идеологическая основа коллективизма, культура, направленная на формирование в сознании людей принципов равенства, являлись инструментами, благодаря которым большинство советских граждан считали себя не лучше и не хуже других. Кроме того, культурное противопоставление западу формировало такие понятия как «советский человек», «гражданин Советского Союза» и т. п. За этими терминами скрывается сильный культурный код, обуславливающий модели поведения. Для многих членов советского общества именно данные термины были определяющими, когда речь шла о социальном положении. Страны Советов нет уже более тридцати лет, но для многих из тех, кто жил в ней, сформированные тогда социокультурные модели поведения являются доминирующими в сознании и до сих пор реализуются на практике.

Если в СССР социальную стратификацию пытались преодолеть путем формирования в сознании людей принадлежности к советскому обществу в целом, то в современном мире идея бесклассовости трансформировалась в осознание своей принадлежности

к тому или иному социальному слою. Такой трансформации, безусловно, способствовало развитие общества потребления. Культура общества потребления существенным образом влияет на все социальные процессы, в том числе на процессы стратификации и мобильности.

Идея того, что обладание теми или иными вещами дает основание причислять себя к слою людей, обладающих такими же вещами, пускай и более лучшего качества, сформировалась именно под влиянием общества потребления. Г. Маркузе отмечает формирование «одномерного человека» в процессе развития общества потребления [6, с. 12–14]. Навязывание ложных потребностей приводит к тому, что их перечень становится приблизительно одинаковым для всех, а общественное производство с радостью готово их удовлетворять. Таким образом, в некотором роде стираются разделения между классами в общественном сознании. Обладателю недорогого смартфона нет причин считать свое положение существенно ниже тех, кто имеет более дорогие гаджеты. В его сознании сам факт обладания вещью уже уравнивает его с представителями более высоких слоев.

Безусловно, объективных оснований отождествления тех, кто обладает последней моделью айфона или самсунга, и тех, кто имеет недорогие смартфоны, – с точки зрения экономической стратификации – нет. Таким образом, общество потребления лишь навязывает иллюзию равенства и при этом в значительно степени способствует тому, что можно определить как псевдомобильность [10, с. 96].

Помимо определения мобильности через социальное пространство, Сорокин также дает более подробное определение: это «любой переход индивида, социального объекта или ценности, созданной или модифицированной благодаря деятельности от одной социальной позиции к другой». В соответствии с двумя измерениями социального пространства он выделил два типа – вертикальную (восходящую и нисходящую)

и горизонтальную мобильность, а также два вида – индивидуальную и групповую [7, с. 119–126]. Понятие псевдомобильности относится к вертикальному типу и, с точки зрения автора данной работы, может пониматься как частичный, фрагментарный переход с одной социальной позиции на другую. Псевдомобильность проявляется в копировании внешних атрибутов вышестоящего класса без достаточных объективных условий для этого (большинству знаком тип людей, представленный в романе «Двенадцать стульев», в образе «Элочки-людоедки»).

Наличие явления фрагментарной мобильности (термин автора) или же псевдомобильности могут объясняться несколькими причинами.

Во-первых, проблема заключается в том, что имея установку на осуществление социального восхождения, которая активно транслируется в социуме через лозунги равных возможностей, многие индивиды сталкиваются с ситуациями, гораздо более жесткими. Характеризуя реальные перемещения в вертикальном направлении в современном обществе, известный французский социолог Ж. Бодрийяр пишет: «Социальная траектория, за малым исключением, оказывается достаточно короткой, социальная инертность весьма ощутима, всегда остается возможность для регресса» [2, с. 22].

Во-вторых, это феномен преобладания внешней символики статуса над его внутренним наполнением, а также «культ вещей» в современном социуме [10, с. 94–95]. Видя свое «поражение» в ходе социального подъема, индивид, в первую очередь, старается сравняться с вышестоящим классом в наличии определенных вещей, которые внешне будут демонстрировать его успех. Ж. Бодрийяр пишет: «Предметы, их синтаксис и их риторика отсылают к определенным социальным целям и социальной логике. Поэтому они говорят не столько об их пользователе и технических практиках, сколько о социальных претензиях...» [1, с. 20] Вместе с вещами будут также перениматься и некоторые

поведенческие аспекты желаемого класса, опять же без достаточных на то объективных оснований.

Таким образом, три взаимосвязанных явления объясняют феномен фрагментарной мобильности (псевдомобильности): не оправдавшиеся надежды на социальное восхождение, преобладание внешней символики статуса над его внутренним содержанием и существование «культы вещей» в современном обществе потребления.

На структуру мобильности, помимо вышеуказанных особенностей современного общества, существенное влияние оказывает его усложнение. В докладе на пленарной сессии X Конференции Европейской социологической ассоциации (Швейцария, Женева, 2011) Дж. Урри предложил три новых поворота – сложности, мобильности и ресурсный поворот. С. А. Кравченко выделяет следующие тенденции, обуславливающие необходимость поворотов [5]:

1. «Переход к «глобальной дезорганизации» и сложности».
2. «Образование глобальных сетей, существующих вне конкретных обществ».
3. «Технологические, организационные, коммуникативные инновации, трансформировавшие даже такие фундаментальные понятия как пространство и время».

Следует отметить, что созданная совершенно при других условиях теория социальной мобильности П. Сорокина, безусловно, отличается от парадигмы мобильностей Дж. Урри, но в целом остается актуальной, хоть и требующей определенных дополнений, в первую очередь, с точки зрения мобильного поворота.

Дж. Урри определяет поворот мобильности как новый тип мышления, исходящий из того, что все социальные образования находятся в постоянном движении [5, с. 68]. В рамках данного поворота ученый предлагает направить фокус внимания на изучение мобильностей. Мобильность, с точки зрения

ученого, – реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени [9, с. 16–21]. Ученый выделяет пять типов взаимосвязанных мобильностей:

1. Телесные перемещения людей.
2. Физические перемещения объектов.
3. Воображаемые путешествия, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации.
4. Виртуальные перемещения (часто в реальном времени).
5. Коммуникационные путешествия (с помощью средств коммуникации) [9, с.135].

Можно выделить некоторые существенные различия в понимании мобильности П. Сорокиным и Дж. Урри. Во-первых, если П. Сорокин, по большому счету, видит в мобильности инструмент для смены социальной структуры, то Дж. Урри рассматривает мобильность как комплексную систему и ставит ее во главу своей концепции. Во-вторых, П. Сорокин рассматривает мобильность как факт и анализирует различия между положением «А» и положением «Б». Дж. Урри, напротив, рассматривает мобильность процессуально и отмечает то влияние, которое процессы перемещений оказывают на социум. В-третьих, внимание П. Сорокина в большей степени приковано к изучению вертикальной мобильности, в то время как Дж. Урри в большей степени изучает то, что в теории Сорокина называется горизонтальной мобильностью.

Кроме того, в рамках мобильного поворота, Дж. Урри отмечает, что если раньше мобильности предполагали иерархизацию социума согласно двум, выделенным Сорокиным, направлениям – вертикальному и горизонтальному, то теперь возникли сетевые мобильности, существующие вне контекста традиционной социальной стратификации. Если раньше мобильности были в той или иной степени структурированы, то теперь появились неструктурированные

мобильности в виде потоков (людей, денег, информации, знаний, рисков и т. д.), которые практически не контролируются государствами. Также в современном «подвижном» мире крайне важным становится наличие у человека возможности перемещаться («права на мобильность»). Отсутствие такой возможности существенно ограничивает потенциал человека. Таким образом, доступ к средствам перемещения и коммуникации является новым основанием для социальной стратификации. [5, с. 70–72]. В основе концепции доступа заложено вышеописанное понятие сетевого капитала. Именно через него можно найти точки соприкосновения теории П. Сорокина и парадигмы Дж. Урри. Также с определенными оговорками можно считать схожими понятие «канал социальной мобильности» П. Сорокина и «система социальной мобильности» Дж. Урри. Под каналами социальной мобильности П. Сорокин понимает социальные институты, обеспечивающие социальную циркуляцию в обществе. Важнейшими из них автор называет армию, школу, церковь, политические, экономические и профессиональные организации [7, с. 149]. Дж. Урри определяет систему мобильности как комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры, который делает определенный вид перемещения возможным, предсказуемым, доступным широкому кругу людей и объектов [9, с. 24]. В своей работе «Мобильности» ученый выделяет и дает подробное описание различных систем мобильностей: пешего перемещения, желез-

нодорожного транспорта, автомобильности, авиамобильности, виртуальной мобильности.

Принимая во внимание тот факт, что П. Сорокин больше изучал вертикальные перемещения, а Дж. Урри – горизонтальные, можно сделать вывод, что в совокупности оба этих термина описывают инструменты, с помощью которых происходят социальные перемещения как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении.

Основные выводы будут такими. Все, произошедшие и продолжающие происходить изменения структуры общества, появление новых типов мобильностей и формирование систем мобильностей, фактическая оценка результата и оценка процесса мобильности, возникающие новые неравенства и капиталы и многие другие переменны, произошедшие со времен П. Сорокина, вписываются в данное им определение социальной мобильности как любого перемещения внутри социального пространства. Для лучшего понимания процессов социальной мобильности, происходящих в современном обществе, определение каналов социальной мобильности П. Сорокина необходимо дополнить смыслами Дж. Урри.

Дальнейшее изучение социальной мобильности видится перспективным с точки зрения лучшего понимания многих социально-философских категорий, например, таких как «справедливость», «честность», «равенство» и так далее, а также – для решения многих острых социальных проблем, связанных с ними.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака: монография [пер. с франц. Д. Ю. Кралечкина]. Москва: Академический Проект, 2007. 335 с.
2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
3. Иванов Д. В. Социология: теория и история: учеб. пособие. Санкт-Петербург. 2006. 160 с.
4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур: антология. Москва: Academia. 1999. С. 492–505.
5. Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография. Москва: МГИМО-Университет. 2012. 306 с.

6. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация: монография [пер. с англ., послесл. А. Юдина]. Москва: ООО «Издательство АСТ». 2002. 526 с.
7. *Сорокин П. А.* [пер. с англ. М. В. Соколовой] Социальная мобильность: монография. Москва: Academia. 2005. 588 с.
8. *Турен А.* Социология без общества // Социологические исследования. 2004. №. 7. С. 6–11.
9. *Урри Дж.* Мобильности //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. №. 5 (111). С. 197–252.
10. *Черныш М. Ф.* Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: монография. Москва: Гардарики. 2005. 253 с.

*

Поступила в редакцию 09.05.2023